

— Последнее дело, которое мне предстояло сделать в эту командировку, - это выступить с оппонентским отзывом на защите докторской у Серёжи Авакяна, для чего из Ленинграда пришлось вернуться в Москву - защита должна была состояться в ИПГ.

— Авакян мучился со своей диссертацией уже три года. Основные враги у него оказались в собственной конторе - в ГОИ, из других отделов. Его пытались не выпустить из ГОИ, то есть дать ему отрицательное заключение от учреждения, где выполнена работа. В полной мере этого сделать не удалось, но потрепали они нервы Серёже изрядно и грозились, что в покое его всё равно не оставят - будут биться с ним на защите.

— Отзывы своих недругов Серёжа показывал мне, я не нашёл их страшными, ничего серьёзного по существу. В основном, Авакян голословно обвинялся в невежестве и в эксплуатации доверчивых космонавтов, ничего в физике не понимающих, но своим соавторством проталкивающих издание псевдонаучных книжек Авакяна.

— Надо сказать, что такие обвинения не совсем уж чтобы были беспочвенными. Излишне рекламный характер Серёжиных сочинений вредил, конечно, его репутации. И стиль диссертации - многословный, но мало математизированный, мне тоже не нравился, строгости не хватало. Тем не менее научный результат налицо, он весом - на докторскую тянет, новизна несомненна, так что защищать есть что.

25 марта 1988 г., кирха

В Москву я приехал рано утром в день защиты и отправился в гостиницу "Академическая", где Авакян поселился с женой Любой. При всей своей шустрости мне он заказать номер не сумел, но уверял, что устроит, в крайнем случае, у себя, и просил с поезда ехать прямо к нему. Попив кофейку и приведя себя в порядок, отправились в ИПГ - защита была назначена на 11 часов.

Заседание спецсовета, действительно, началось в 11, но началось оно с обсуждения вопроса - проводить ли защиту сегодня или перенести её на другой день, ибо председатель совета, он же директор ИПГ Авдюшин должен сейчас куда-то ехать и освободится не раньше двух-трёх часов дня.

Конечно, заседание мог бы вести и заместитель Авдюшина - Данилов, - но, - сказал Авдюшин, - защита предстоит сложная, дело щекотливое, и ему следовало бы при сём присутствовать.

Я заёрзал. Ёлки-палки. Второй раз приезжаю в ИПГ оппонировать, и опять защита повисает, а я только за этим сюда и ехал. У меня обратный билет на завтра, что это за порядки, чёрт подери! И никто извиняться передо мной, разумеется, не собирается.

К счастью, совет решил всё же защиту провести сегодня, но начало перенести на 13 часов. Начнёт вести заседание Данилов, а там, глядишь, и Авдюшин подъедет.

Ладно. Я поехал, поболтался по ВДНХ немного, благо это рядом, перекусил там и к часу вернулся в ИПГ. Начали опять заседать, и опять бодяга началась. После того, как секретарь сообщила о представленных в совет документах соискателя, вылез член совета - некий Павлов и заявил, что защиту проводить нельзя, потому что с документами не всё в порядке - нет заключения о диссертации от организации, в которой выполнена работа, то есть от ГОИ.

Вернее, оно есть и подписано директором ГОИ, но им же приписано, что данное заключение обсуждалось на объединённом семинаре нескольких отделов ГОИ и за него проголосовало хотя и большинство присутствовавших, но менее двух третей, которые требуются по Положению, действующему в ГОИ, для того, чтобы утвердить отзыв. А раз так, считает Павлов, то отзыва как бы и вовсе нет, и, следовательно, совет не имеет права проводить защиту.

Председательствующий Данилов объявил присутствующим, что всё действительно так с отзывом от ГОИ, но эта ситуация уже обсуждалась на данном совете при принятии

диссертации к защите, и тогда совет принял решение, что защиту проводить можно (правда, тогда Павлова на заседании не было). Кроме того, он - Данилов специально консультировался по этому поводу у юрисконсульта в ВАК, и тот ему сказал, что защиту проводить можно.

— Казалось бы, чего ещё? - поехали дальше продолжать защиту, а нет. Павлов начал спорить, а Данилов его уговаривать. Ввязались другие, и совет фактически стал по второму кругу обсуждать вопрос, по которому им уже было принято один раз решение.

— Выступил член совета Лазарев, начальник отдела ГОИ, в котором работал Авакян. Разъяснил, что это правило двух третей, о котором говорится в отзыве ГОИ, было принято как раз на этом семинаре, когда обсуждали диссертацию Авакяна, специально для того, чтобы притормозить Авакяна, и что Авакян до этих двух третей недобрал всего один голос, и что вообще это самодеятельность, нигде такого нету, не следует на эту приписку обращать внимания.

— Данилов цитировал выдержки из Положения ВАК о порядке присуждения учёных степеней, где, конечно, никакие две трети не фигурировали, и где даже не требовалось, чтобы заключение организации было положительным - лишь бы оно было. Павлов никаких доводов признавать не хотел.

— Правда, его вроде бы никто не поддерживал, и я удивлялся - чего Данилов волынку тянет, ну, пусть совет ещё раз проголосует по этому поводу. Но Данилов, похоже, не очень был уверен в том, что совет в этот раз проголосует так, как в прошлый, и продолжал уговаривать Павлова.

— Наконец, Данилов решил и поставил на голосование вопрос: подтверждает ли совет прежнее своё решение по поводу правомочности проведения защиты? Проголосовали: один против, несколько воздержались, остальные - за то, чтобы проводить защиту.

— Ну, слава тебе, Господи! Авакяну я, конечно, не завидовал: полдня уже жилы тянут, а ведь ещё отрицательные отзывы не звучали, и враги не выступали - вон они тут, специально из Ленинграда на защиту приехали, не поленились.

— Но вот дошло дело и до отзывов. Серёжа в ожидании драки запасся 18-ю (!) отзывами на автореферат, из которых, однако, зачитывали только критические замечания, если таковые были. Отрицательные же отзывы зачитывались полностью. Их было три.

— Два из ГОИ, от член-корра Александрова и коллективный от бригады врагов, представители которой присутствовали здесь, один из них темпераментно зачитал этот отзыв вслух. Третий отрицательный отзыв зачитал Шефов из ИФА - неопрятный пожилой человек в сильных очках, брызгавший слюнями.

— Суть всех отрицательных отзывов я уже изложил коротко выше, она сводилась к обвинениям Авакяна в нахальстве, неграмотности и эксплуатации доверчивых неграмотных космонавтов, но были в них, разумеется, и замечания по физике явлений, исследовавшихся Авакяном (оже-процессы и двухкратная ионизация в атмосферах планет). На эти замечания Серёжа ответил, хорошо подготовившись, - коротко и по существу. С чем-то согласился, с чем-то - нет.

— Шефов, среди прочего, обвинил Авакяна в том, что он якобы уговаривал Фишкову (заведующую обсерваторией в Абастумани) дать ему положительный отзыв, чуть ли не вымогал его, тогда как Фишкова работу Авакяна считает неверной, о чём она ему, Шефову, сама лично сообщила, как и о том, что Авакян отзыв вымогал, и что космонавт Гречко тоже пошёл у Авакяна на поводу, дал ему отзыв и т.д., и т.п. На что Серёжа предьявил прекрасный отзыв Фишковой, переданный по телексу.

— Вообще, "враги" Авакяна выглядели неубедительно и симпатий аудитории не завоевали. Настал черёд оппонентов. К этому моменту председательствовал уже Авдюшин, он явился в разгар отрицательных выступлений.

— 1 апреля 1988 г., кирха

— Оппонентами были назначены неизвестный мне член совета Попов, Валерий

Михайлович Поляков и я, ведущей организацией - ЛГУ (Пудовкин). Поляков, однако, заболел и приехать не смог, но отзыв прислал прекрасный. Его заменял Андрей Михайлов. У него, как и у Попова, и у Пудовкина, замечаний особых не было, отзывы сугубо положительные, хотя перед самой защитой Андрей ещё чего-то приставал к Авакяну, требовал каких-то разъяснений.

— Я выступал последним и зачитывать свой отзыв не стал, а построил выступление в форме ответа на критику "врагов", ибо эта критика фактически была критикой и в мой адрес как сторонника Авакяна, положительно оценившего его работу.

— Я признал наличие у Авакяна недостатков в стиле изложения, провоцирующих неприятие и всей работы в целом, - помпезность, напыщенность формулировок, касающихся самооценки результатов работы. Заметил, что такой стиль порождается требованиями ВАК, вынуждающими авторов давать самооценку своим результатам по части их новизны, актуальности, теоретической и практической значимости, что, вообще говоря, само по себе неэтично и ненормально.

— Что же касается существа работы Авакяна, то, на мой взгляд, оно состоит в том-то и том-то (первым указал на важность учёта оже-процессов и детально исследовал их роль в атмосферном ионообразовании, совместно с космонавтами обнаружил эффекты солнечной вспышки на ночной стороне и дал им оригинальное физическое объяснение), и сомневаться в новизне и значимости этих результатов не приходится потому-то и потому. Высказал несогласие с некоторыми конкретными замечаниями авакиновских противников. В общем, выступил хорошо - темпераментно и чётко.

— Началась дискуссия. Выступил Данилов. Суть его выступления - обращения к совету - свелась к тому, что, смотрите, мол, товарищи, Авакян защищается по геофизике, только что мы заслушали отзывы ведущих геофизиков страны на его работу, как оппонентские, так и на автореферат, возражают же против его работы, главным образом, люди (оптики), специалистами в геофизике не являющиеся. Отсюда, мол, делайте выводы, кто прав. Что касается лично его, Данилова, то он, как геофизик, работу Авакяна поддерживает.

— Из космонавтов на защите присутствовал - специально приехал! - Ковалёнок. Он спокойненько, терпеливо (с утра!) сидел в заднем ряду небольшого и потому переполненного конференц-зала ИПГ, и вот теперь стал пробираться вперёд, к доске, чтобы выступить в дискуссии.

— *10 апреля 1988 г., Москва, аэровокзал (по дороге в Красноярск)*

— Пока он пробирался, в зале отчётливо прозвучала сказанная как бы шёпотом, но достаточно громко реплика Андрюши Михайлова:

— - Неграмотный космонавт выступать пошёл!

— Ковалёнок это, разумеется, расслышал и в таком же тоне начал своё выступление:

— - Да, я тот самый тупой космонавт, про которых тут говорили.

— Аудитория развеселилась. Тут важно отметить эффектный внешний вид Ковалёнка - в генеральском мундире с двумя звёздами Героя Советского Союза, грудь колесом, живот подтянут, физиономия симпатичная, эдакий былинный богатырь. Андрей Михайлов потом восхищался, когда делились впечатлениями:

— - А космонавт-то каков? Красавец-мужчина! С таким не пропадёшь...

— - Но ведь это для науки и хорошо, - продолжал Ковалёнок, - что я не слишком глубоко разбираюсь в ваших задачах. Я - наблюдатель из космоса, что вижу, то и сообщаю, а не то, что хотелось бы увидеть Авакяну или кому-либо другому. То, что я сам не придерживаюсь какой-либо научной концепции, обеспечивает чистоту эксперимента, повышает объективность данных наблюдений из космоса.

— Это одно. Другое, о чём мне хотелось бы сказать, - это то, что мы без Авакяна преспокойно проживём, и он без нас также может обойтись. Никакой такой корысти в наших отношениях нет, никаких особых выгод тут никто не извлекает. Есть совместная работа, и мы её делаем. Каждый на своём участке. Что касается личных, человеческих

качеств Авакяна, то могу сказать, что в разведку я с ним пошёл бы, а вот с некоторыми из выступавших здесь против него - нет.

—И вообще скажу, что мне странно было слышать здесь некоторые обвинения. Не ожидал от учёных. Мы работаем добросовестно. Не сомневаюсь и в добросовестности Авакяна, - закончил Ковалёнок.

—Интересно было наблюдать за Авдюшиным во время выступления Ковалёнка. Его физиономия, когда выступали противники Авакяна, выглядела ужасно кислой. После выступления оппонентов, хваливших работу Авакяна, он приободрился и повеселел. А во время речи Ковалёнка у Авдюшина даже грудь как-то вперёд выкатилась, как у космонавта, он встал со своего председательского места и, опираясь руками на стол, гордо, по-боевому озирался вокруг, демонстрируя присутствующим свою неколебимую солидарность с космонавтом, а значит, и с Авакяном.

—После Ковалёнка выступал ещё один представитель отряда космонавтов - руководитель психологической подготовки Центра подготовки космонавтов, того же возраста примерно, что и Ковалёнок, то есть чуть постарше нас с Авакяном (Ковалёнок 1941-го года рождения, кажется), в штатском. Он в ещё большей степени, чем Ковалёнок, сетовал на оскорбительное для космонавтов недоверие некоторых учёных к их квалификации, которая на самом деле очень высока, чему их там только не обучают, а тупых и безграмотных вовсе в космонавты не берут, это поклёп на наших прекрасных советских героев космоса. Просто стыдно должно быть некоторым товарищам, выступавшим здесь, он никак такого не ожидал от наших советских учёных, на что Авдюшин дружелюбно успокоил его - мол, учёным всякие взгляды дозволяется иметь, тем более по научным вопросам, не стоит так переживать, истина, мол, восторжествует.

—И в самом деле. Спорить с космонавтами никто не захотел. Время было уже позднее, Авдюшин умело повёл дело к благополучному завершению. Проголосовали. Один воздержался, остальные - за! Противники Авакяна пообещали продолжить борьбу в ВАКе, но на них уже никто особого внимания не обращал.

—Авакян планировал устроить коллективную выпивку не сразу после защиты, а на следующий день. Сегодня же вечером предполагалось снять стресс у него в номере в минимальном составе - он с Любой и я, которому деваться было некуда. Серёжа уверял, что прекрасно устроит меня ночевать тут же в номере, и я согласился - ну, не к Бирюковым же, в самом деле, опять тащиться, я недавно у них ночевал, и уж тем более - не в ИЗМИРАН.

—Ковалёнка весь день у ИПГ ждала его персональная "Волга" (он ведь на самом-то деле сейчас никакой не космонавт уже давно, а замкомандующего армией войск ПВО, кажется) с молоденьким солдатом-первогодком за рулём, и Ковалёнок предложил Серёже подбросить его в гостиницу, это, мол, всё равно по дороге. Серёжа с Любой и я уселись на заднем сиденье, генерал - рядом с шофером, ещё неопытным и заботливо опекаемым своим шефом, указывавшим не только куда ехать, но и как перестраиваться, кого пропустить и т.п.

—У гостиницы Серёжа предложил Ковалёнку подняться в номер хоть на несколько минут, выпить коньячку по случаю победы в совместной борьбе. Ковалёнок не возражал. В номере он первым делом позвонил по телефону жене, что сейчас он у Авакяна в гостинице и через несколько минут выезжает домой. После чего мы принялись за коньячок (это было около семи-восьми вечера) и расстались с космонавтом, то бишь генералом, где-то далеко-далеко за полночь, опустошив две с половиной бутылки, из которых полбутылки пришлось на Серёжу с Любой, а остальное на нас с Ковалёнком.

—14 апреля 1988 г., Дивногорск, гостиница

—Обсуждали, разумеется, перипетии состоявшейся защиты, потом перешли и на другие темы. Генерал рассказал о своём происхождении - из белорусской деревни, в которую только недавно асфальт провели, в связи, по-видимому, с необходимостью сооружения

бюста на родине дважды Героя. Воспитывался без отца. Тот, вернувшись с войны, семью бросил - мать вроде бы при немцах не так себя вела, как надо, то ли в самом деле, то ли соседи оговорили.

— Здоровье своё в длительных полётах космонавт подпортил, с почками у них там что-то случается, отчасти поэтому ушёл из космонавтики. Поступил в Академию Генштаба (или Высшего командного состава?), защитил диссертацию на кандидата военных наук, теперь вот - замкомандующего армией.

— Компанейский генерал всё порывался увезти меня ночевать к себе домой (у него, мол, там и сауна, и всё, что надо, - сам увидишь), я с трудом, но отбил от этого лестного приглашения ибо боялся не улететь в таком случае домой тем рейсом, на который у меня был куплен билет.

— Когда Ковалёнок созрел, наконец, чтобы покинуть гостиницу, он вспомнил про ожидавшего его в машине солдата-шофера и прихватил с собой пару бутербродов для него - парень весь день от машины не отлучался, почти сутки уже. Ну, ничего - почётная служба зато, не в казарме.

— Проводив Ковалёнка до машины, мы с Серёжей возвратились в гостиницу, и швейцар перед нами встал навтыжку, приняв, очевидно, и нас за генералов, только в штатском. На меня лично это произвело впечатление - впервые швейцар смотрел на меня не злобно-подозрительно, а с глубоким почтением.

— Вернувшись в номер, мы ещё не сразу угомонились. Серёжу слегка мутило, и он постанывал, а я над ним посмеивался - невелики, мол, страдания по сравнению с уже пережитым и при таком-то конечном результате.

— Вспомнил тётю Тамару (перед отъездом из Ленинграда я был у Бургвицев), она строго наставляла меня, чтобы я после защиты ни в коем случае ни на какие банкеты не ходил и ни с кем не пил, а то Сашуля жалуется, что я, как напьюсь, дурной совсем становлюсь. Надо позвонить, что пил с космонавтом. С космонавтом, тем более генералом, можно, наверное, ... - думал я, засыпая.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)